

Пусть так, но, вероятно, есть какие-то причины для этого громоздкого механизма, так же как для хвоста павлина и прочих непрактичных и затратных вещей?

Возможно, в мире, где существовали бы только мир и мозг, снабженный языковым модулем, то есть генеративной грамматикой, классический стиль и правда был бы идеалом. К сожалению, наш мир расщеплен на множество миров, в том числе специальных или профессиональных, которые невозможно свести к элементарной схеме, напоминающей эпистемологические опыты философии Нового времени, в которых статуя Кондильяка могла постепенно ожить и увидеть мир так. В этом смысле, если вернуться к вопросу о *usage wars*, можно сказать, что послание Пинкера, конечно, демократично и либерально, но, возможно, это слишком ограниченная демократия. Поскольку, как указывали поколения англоязычных авторов — от Оруэлла до Уоллеса, — вопросы словоупотребления и грамматики являются политическими, Пинкер не может не занять поли-

тической позиции, хотя в его онтологии для нее очень мало места. Английский язык представляется языком демократии, в котором возможно очень многое, так что претензии авторитарных прескриптивистов неизбежно терпят провал. Но это многое, по сути, лишается своего нормативного, утвердительного оттенка — скорее, это чистая вариативность узуса, которая осаждается в признаваемых изменениях, с которыми постепенно свыкаются профессионалы языка и стиля. Либерализм Пинкера — это либерализм больших чисел, удобно демпфируемый профессиональным сообществом лингвистов и лексикографов, то есть экспертократией. Возможно, он как нельзя лучше соответствует американской демократии — текучей и вариативной, но при этом вполне элитистской. Низовые изменения неизбежны, но значимы они тогда, когда доходят до экспертов и элит, поскольку, по сути, сами представляются слишком сырой, слишком подвижной силой, чтобы иметь какое-то политическое (и лингвистическое) значение.

Дмитрий Кралечкин

Изучать человека, оставаясь им

А сейчас, друзья, вы читаете мой самый (или единственный?) полезный текст в жизни. Луч надежды, что два этих тома когда-нибудь будут переведены на русский язык, как-то тускло пробивается сквозь тысячу семьсот страниц неслабого формата. Исторический факультет, когда-то мной начатый да так и не оконченный, дал мне любопытство заметить и право заглянуть в них. Не то чтобы книги эти не вызвали у меня нареканий: в них куча повторов и немало про-

тиворечий; несколько навязчивое *temto mori* придает портрету профессии излишнюю мрачность, если не загробность; автор отвергает все идеологии (по преимуществу левые), но одну — свою (по преимуществу правую) — не замечает; наконец, хотя он не раз гадает, какой будет профессия историка в 2050-х или 2100-х годах, у него не хватает удалит увидеть, что она уже изменилась. Компьютер, или, как он его называет, *аппарат для обработки текста*, он упоминает один (!) раз (и то описывая, что в биб-

лиотеках шуршащая тишина сменилась тархтением клавиатур), и уж вовсе бесполезно искать, что он думает про *peer-reviews*, базы данных, интернет, *Digital Humanities*, индексы Хирша и прочие *Scopus*'ы, — ну и что? Ей-же-ей, про это уже скоро будут знать первокурсники, что делает это «упущение» более чем простительным. Зато *вовремя* (то есть не так, как я) узнать от опытного мастера вневременные или всевременные секреты мастерства — дорогого стоит. Оттого этот свой сбивчивый пересказ (назвать его *рецензией* значило бы злоупотребить термином) я адресую не только первокурсникам, но и всем юным и молодым гуманитариям, скажем, от 13 до 33 (читатели постарше могут порекомендовать его начинающим и молодым коллегам).

Основной корпус трудов Г и Тюилье составляют книги по экономической, административной и финансовой истории Франции, быту XIX века, а также различным аспектам истории одной французской провинции — Нивернё. Трудно сказать, что именно заставило его посвятить столько времени и сил созданию **завещания**, учебника жизни для будущих или молодых историков¹. К молодой смене он обращался лично на своих семинарах 1997–2003 годов в парижской Практической школе высших исследований. Однако решил поделиться опытом не только устно, с присутствовавшими студентами, но и письменно, с исторической сменой в настоящем и будущем. Учебником *жизни* я назвал эти два тома, чтобы подчеркнуть, что речь идет не об «Органоне», а, скорее, о «Зерцале историков» по аналогии с почтенным жанром «зеркала принцев», *specula principum*. Человеческий лик должен глянуть из зеркала на молодого историка, а не оскал рациональной машины, монстра памяти или карьерного болида. Автор говорит об *историке*, но желающие могут безнаказанно и с пользой для себя подставить на это место, *mutatis mutandis*, ту самоидентификацию, которую им подсказывает их профессиональный этос, или веление сердца.

1. Рецензируемому труду предшествовал ряд подготовительных работ, написанных отчасти совместно с Жаном Тюларом (*Jean Tulard*), посвященных историческим школам и методам, профессиональной этике историка.

Guy
Thuillier

*L'histoire
entre le rêve
et la raison*

Introduction au métier de l'historien

Économica

Guy
Thuillier

*La pratique
de
l'histoire*

Introduction au métier de l'historien

Économica

Guy Thuillier.

Introduction
au métier de l'historien.

I. L'histoire entre
le rêve et la raison.

P.: Économica,
1998. — 876 p.

II. La pratique de l'histoire.

P.: Économica,
2013. — 870 p.

(Тюилье Г. Введение

в мастерство историка:

I. История между
мечтой и разумом.

II. Практика истории.)

* * *

С сердцем же, но и с головой применяйте рецепты Ги Тюилье, относитесь к ним со здоровым скепсисом и в любом случае пишите свои — упражнение полезное. Слово «рецепты» сюда напросилось, очевидно, неспроста. Тюилье — не только не Аристотель, но даже и не Дройзен, не Коллингвуд и не Марк Блок. Он прежде всего наследник Монтеня, Лябрюйера, Вовенарга. Его опыты-попытки не выстраиваются в систему, а похожи на эклектичные советы знахаря или, скорее, на мамину кулинарную книгу, раздувшуюся от вложенных и вклеенных в нее календарных листков и вырезок из журналов. При этом в книге при всей ее непричесанности изобилуют разного рода попытки наведения порядка: перечни факторов, списки принципов и своды правил. Не смог или же не захотел автор привести их в иерархический и дедуктивный вид — вопрос праздный.

Наука требует отречения, жертв, это — настоящее служение, *officium*. Но, служа науке, неизбежно живешь свою жизнь; два этих процесса никому из вас не удастся развести: пожить, а потом послужить, или наоборот. Однако искусству их сочетать не учит никакая наука. Мастерство историка — это доморощенное и опытное ремесло, обучение которому может состоять только из императивов двух типов: «делай, как я» и «не делай, как я» — в пропорции, составляющей авторскую кулинарную тайну. Чтобы дать представление о разнообразии трактуемых им тем, я буду выделять **жирным** в тексте названия глав (излишне говорить, что мне не удастся даже упомянуть их все).

Да, вы будете смеяться, но гуманистический никогда не перестает быть челове-

ком — в чем-то одаренным, внимательным, любознательным, смелым, остроумным и блестящим, в чем-то слабым, забывчивым, трусливым, рассеянным, ленивым, невежественным, завистливым и тщеславным; трезвым прагматиком, но и неисправимым мечтателем. Ги Тюилье нетривиально открывает первый том своей суммы главой о способности **мечтать**. Историк прежде всего романтик, духовидец. Он ждет, чтобы заговорил документ, черепок, руина. Чтобы когда-то увидеть свет, книга или статья должна сперва стать мечтой; прежде чем наметиться, она должна намечтаться. И весь путь историка — это накопление, переплетение, уточнение, высмеивание, осуществление или отбрасывание грез. Они могут быть свободными или заданными, но так или иначе служат необходимым противовесом рутинной, автоматической, бездумной или малодумной работе, без которой тоже не обойтись. Мечтать можно много где: в постели, на сон грядущий или на заре, во сне и во время бессонницы, в пути, на концерте, в пробке, в очереди, в разговоре — слушая вполуха другого или себя. Мечта может одарить **интуицией**, осветить и прояснить, казалось бы, непроходимую чащу, предвосхитить результат, угадать там, где невозможно просчитать, **вжиться** в эпоху, в персонажа (в индивида или в тип), в его повседневность, в его обыденные движения и жесты, в логику изучаемых отношений, навести на новый ход размышления, напомнить о забытом источнике, наглядно изобразить то, о чем молчат все документы, снять нелепые запреты и зажимы. Тревожное падение уровня мечтательности в рядах историков автор

объясняет мороком **сциентичности**, столь же ошибочным, сколь и бессильным. Ни один историк не смеет признаться в мечтательности, дабы вдруг не поставить под сомнение свою 120%-ную рациональность, — и тем самым искажает картину реальной жизни исследователя. Мечтать нужно уметь, поэтому мечтать нужно учиться (например, чтобы не дать себя поглотить юношеским грезам о славе, статусе, цинах и почестях).

Если пытаться отличить мечты от **желаний**, то, конечно, историк тоже может возжелать руководить другими, захватить одно поле, заслать своих людей в другое, застолбить такой-то журнал или такое-то издательство, словом, стать начальником в истории, как другие в политике, спорте или искусстве. Но, собственно, желания историка диктуются, скорее, вкусом к прошлому, жадной покорить время, любовью к порядку или к упорядочиванию, даром **рассказчика**, инстинктом **охотника**. Историк жаждет овладеть материалом (который овладевает им в ответ), воскресить, вдохнуть новую жизнь, открыть неизвестные или бросить новый свет на известные документы и факты. Это *libido sciendi* может доходить до пароксизма, до патологии. Исследователь подчиняет этим своим желаниям волю, — конечно, если воля имеется; если же нет, то о нем скажут: «*NN* полон благих намерений и оригинальных замыслов, но боится доводить дело до конца, обещает и не выполняет» (книга полна таких суждений, подслушанных в кулуарах конференций, в курилках институтов, под занавес академических банкетов и — наверняка — на похоронах). С желаниями надо уметь обращаться, обновлять их, пользовать-

ся их импульсом, пока он есть. Ибо они прихотливы, могут менять направление и интенсивность. Когда охватывает познавательное желание, надо уметь предаться ему, оторвавшись от дел, которые могут делаться и на излете желания в неизбежные, увы, фазы, когда ничего не хочется. Хуже тем, к кому желания не наведываются никогда. И кому из нас не встречались эти тени из царства Аида на кафедрах и трибунах? Желания могут быть и разрушительными (срезать, наказать, отомстить, отыграться), но лучше уж такие, чем никаких. Счастлив исследователь, у которого и с желаниями недостатка нет, и со способностью их обуздать, который умеет переплавлять их в **творчество**. Но и здесь есть рифы: легко спутать желание познания с желанием признания, успеха, славы: «тщеславие — любимый грешок историка». Надо питать, обновлять свои желания, желать большого, важного и далекого, нужно *желать* быть амбициозным. Нужно опасаться своей скромности — она всегда привычка, след давления группы, среды, она всегда тянет вниз.

Молодому гуманитариям нужно знать и об **удовольствиях** профессии во всем их разнообразии. За радостью страстного и энергичного исследования, замахнувшегося если не на *пере-*, то хотя бы на *поворот*, забывается долгое, медленное, мирное, успокаивающее, тщательное удовольствие исследователей-марафонцев. Удовольствие — не однозначное благо; оно не должно нарушать равновесие с другими компонентами ремесла.

У историков есть **тело**, они об этом знают, но редко размышляют: автор объясняет забвение тела историками клерикальным происхождением их профес-

сии (I, б.п.9). Тело подлжит старению и смерти, и уж для кого-кого, а для историков это никакой не секрет, а сквозной мотив изучаемой ими реальности. Устареет и их труд, как устарели труды их предшественников; это тоже приходится предусмотреть (Тюилье осознает горечь пилюли, особенно для молодых коллег, но истина дороже, а **жестокость** — неотъемлемая часть профессии историка (I, 311; II, 416–423)). Использовать свое тело историку необходимо: через него он вживается в тела исследуемых персонажей. Но оно же и главный отвлекающий фактор: надо поддерживать его относительное здоровье, предусматривать его усталость — от чтения, письма, напряженного внимания, монотонной работы, общения с коллегами... Историк работает в **одиночестве**, даже если числится на кафедре, в лаборатории, в «проекте». Тюилье не очень-то верит во всякие коллективные проекты, от которых, как правило, страдают и участники, и результат. Одиночество можно не претерпевать, а конструировать, настраивать на свой лад. Блажен, кому оно дается легко; такой без усилий избежит давления цеха, начальников, друзей, бескрылого духа обыденности, ускользнет от бэконовских «идолов площади», от тысяч лилипутовых нитей, перестанет бесконечно сдавать свою жизнь напрокат (тексты на заказ, участие в конференциях, потому что это кому-то нужно, и т. д.). Одиночество вскармливает интуицию, но и грозит эксцессами: замыканием, утратой чувства реальности, истощением вдохновения.

По профессии историк занимается прошлым, а значит, **временем**, но совсем не обязательно умеет обращаться

с ним. Приходится учиться беречь его, избегать бесплодных занятий и обязанностей, ненужных трат. Охраняйте себя от воров и растратчиков вашего времени. Если кто-то должен тратить ваше время, то пусть это будете лично вы — планируйте по городу или по книжным полкам (залог случайных находок), развлекайтесь (залог последующей сосредоточенности), тратьте себя на «бесплезное» (никогда не знаешь наверняка, что и как пригодится). Но историк должен уметь работать и без оглядки на время, самозабвенно, времязабвенно. Исследователю придется пересекать разные периоды: кризисов, творчества, неудач, старения... Знайте, что вы пишете сейчас не просто статью или книгу, а одновременно строите ваш совокупный опус, *œuvre*. Проживайте не только эту неделю или семестр, но и вашу персональную *longue durée*: не теряйте из вида долговременного, 30–40-летнего горизонта. За это время с вами произойдет много непредвиденного и непредвидимого, но это не повод все оставлять на самотек. Воплощение серьезного замысла — от изначальной интуиции до публикации — может занять 5 или даже 25 лет. При этом все искусство состоит в том, чтобы не перепрыгивать через **мгновение**, подробно и со вкусом переживать его, не торопить следующее. Как ни странно, миг — суть карьеры. Сравните хорошего историка с плохим: хороший работает в свое удовольствие. Каждое из мгновений — подарок богов, даже моменты испытания, сомнения, отвращения. Уметь пользоваться ими — важная часть искусства **быть собой**. Другие его компоненты: не путать объективность с подавлением сво-

ей субъективности, моду — с интуицией, идеологию — с делом жизни. Важно достаточно рано отважиться заявить о себе объемным, амбициозным замыслом. Лучше размахнуться и не суметь, чем не размахнуться вовсе. Ройтесь в себе, в своих способностях и мечтах (ранние интуиции могут питать ваше исследование в течение десятилетий), рискуйте, снова и снова пытайтесь **превзойти самих себя**. Регулярно задавайтесь вопросами: «То ли я делаю?», «Приблизил ли сегодняшний день далекую цель?» Часто представляйте себя в момент **окончательного итога**, смотрите на себя глазами будущего коллеги-историка. Впрочем, надежды, что молодые послушаются этих советов, мало: как ни верти, лучший учитель — **опыт**. Но и он не панацея: он избавляет от **ошибок** (неудачная тема, неверный метод, ложное толкование), но может и парализовать, запрещать необходимый **риск**. Капитал опыта тоже чреват старением: опытный историк может быть и самоуверенным, и пресыщенным, и циничным. Опыт нужно обновлять, переосмысливать критически, иногда полезно разучиваться, чтобы научиться чему-то новому; полезно иногда менять специализацию; начиная с 40 лет необходимо регулярно устраивать полный переучет. Иначе прислушайтесь к шепоту коллег и услышите: «Он повторяется, он безнадежно отстал, он живет старым багажом, он уже ничего не понимает». Не слишком полагаться на опыт, вынести из него не догматику, а вкус к взвешенности и нюансу входит в обязанности историка перед самим собой. Молодые исследователи склонны слишком быстро, решительно и по любому поводу выбирать свой ла-

герь и **воевать** с противоположным лагерем, тогда как — трудное! — искусство состоит, скорее, в жизни в **мире** с собой и своей профессией. Не следует забывать, что история — **вредное производство**, которое развивает своеобразные, присущие только ему aberrации. Историк обычно слишком верит в прогресс, во влияние идей на ход истории, смотрит на историю глазами образованного человека, слишком любит раскладывать по полочкам, поэтому видит **порядок** там, где его нет, а хаос склонен считать своей недоработкой, а не аспектом реальности, он живет в прошлом и мертвом, невольно теряя **вкус к настоящему и живому**, он вообще «прирожденный чиновник» (II, 63). Немного наблюдательности и честности — и каждый сможет составить клиническую картину, типичную для его сферы. Сложнее понять, каким должен быть идеальный исследователь. Какие жертвы необходимы, а какие чрезмерны и бесполезны? Как достичь **оптимума** при максимуме удовольствия? Как превратить **совершенство** из мечты в регулятивную идею, в путеводную нить? Хороший способ конкретизировать эти размышления — **самоанкетирование** (I, 135). Тюилье советует начать с пяти вопросов:

1. Что я собираюсь завершить к моментам времени t_1, t_2, \dots ?
2. Какова моя стратегия внутри дисциплины и искомые трофеи (буквально «цели войны», *buts de guerre*, автор обожает это выражение) к t_1, t_2 ?
3. Какие плоды принесет моя стратегия, если вдруг желаемые трофеи получить не удастся?

4. С каким финальным отчетом предстану я перед Страшным судом (или судом совести)?
5. Какого равновесия между личной жизнью и служением я хочу достичь, какого мира?

Такая анкета принудит к различению между возможным, желательным и вероятным, запретит жить на авось и наобум, заставит предвидеть препятствия, предвосхитить необходимые инвестиции, предусматривать риски неудачи, удержит от неразумных затей, соединит глобальные цели с повседневными шагами.

Автор призывает к здоровому **позитивизму**, не впадающему в сциентизм; только так можно избежать эфемерных интеллектуальных мод: «абстракция — самый опасный яд истории» (I, 81n.22). И еще один авторский рефрен: история не наука, а игра со сложными правилами (или еще «с нулевой суммой», то есть где проигравший не теряет больше того, что вложил). Но за 40–45 лет карьеры неизбежно меняются правила игры, конвенции, методы, центры тяжести в дисциплинах.

Нужно уметь использовать **шансы**, везение. Присматривайтесь к «везучим» и «невезучим». Невезение — это не черная метка судьбы. Все прозаичнее: это плохое образование, плохо выбранные темы и методы, нехватка смелости или настойчивости, но и, конечно, несчастные случаи и обстоятельства, и, наоборот, везучий историк — это хорошее образование; далее по тексту: «нет историка без везения» (I, 584). Распространенная ловушка — **дух подчинения и покорности**, будь то по отношению к методу, школе, лично научному руководителю, духу времени... Другой

соблазн, с которым приходится сталкиваться каждому молодому исследователю, — соблазн **карьеры**. Выгоды и жертвы здесь довольно очевидны, но выбор сводится по сути к простому: карьера или опус. Тюилье однозначен: карьера — ниже, чем **œuvre** (но карьера и связанные с ней хлопоты служат для многих удобным оправданием в неспособности построить *œuvre* как осмысленное единство, а замышлять его желательно до 30 лет). **Ирония** поможет не только относиться к себе не слишком серьезно, но и освободиться от ига доктрины; ирония напоминает историку, что он работает в сфере *возможного*, а отнюдь не истинного, достоверного. Но иронии нужно дозировать: она редко нравится коллегам, она может посеять ненужную растерянность в душе неокрепшего ученика. Зато **терпение** — доблесть историка по определению. Сотни часов одинокой работы, сопоставления, классификации, инвентаризации материалов, проверки, поиска документов, чтения и перечитывания, составления досье, накопления информации, наконец, молчания (что объясняет компенсаторную болтливость многих историков). Не путайте терпение с флегмой, апатией, безразличием или тем более с излишней покорностью перед цеховыми авторитетами. Но у него есть и свои опасности: с годами оно может убаюкать, убить чутье к событию, к удивлению. Тюилье настаивает: надо стремиться к упорядоченности в работе; потеря времени на наведение и поддержание порядка кажущаяся, окупается с лихвой. Иначе услышите о себе: «*NN* торопится с выводами, оценками, публикациями; ему не хватает охвата материала, обзора, дистанции». Но порядка

не должно быть больше, чем нужно для оптимальной и эффективной работы; которым *нужен* беспорядок.

Историк должен уметь работать со всегда сопровождающими его **иллюзиями по своему собственному поводу**. Одни из них полезны, другие — нет. Некоторые исследователи принимают за себя свою маску и удивляются поэтому своей репутации. Многие жалуются на перегруженность, занятость, тогда как на деле не умеют разумно организовать работу, устранить чрезмерные утечки времени, поставить себе долгосрочные цели, отличить важное от легкого (конференции, комиссии, заказанные статьи) и не жертвовать первым во имя второго. Другие убеждены, что «всё знают в своей области», тогда как на деле слишком сузились, специализировались, за деревьями (которые они, может быть, и неплохо знают) не видят леса. От иллюзий практически трудно отделить **образ себя**, который зависит от внешнего образа, но с ним не совпадает. Он меняется с годами, и это нормально: в 20, 40 и 60 лет у нас три совсем разных образа. Наилучшая okazия для его складывания или, наоборот, пересмотра — **бессонница**; на нее любят жаловаться, может быть, оттого, что именно в эти часы мы и встречаемся с собой?

Историку полезно задуматься, о том, каким взглядом он **оценивает другого** — учителя, коллегу, ученика. Этот взгляд в идеале должен быть и критичным, даже беспощадным, но и беззлым. Поскольку огрехи и пороки других нам заметнее, следует примерять свои упреки и на себя. Поэтому стоит приглядываться не только к гениям и талантам (хорошие историки редки), но и к посред-

ственным: негативный пример может оказаться даже полезнее. При взгляде на научного руководителя важно учиться у него, не теряя самостоятельности, и не упустить момент для хоть и вежливого, но решительного отхода. Ваш взгляд на коллег будет неизбежно окрашен завистью; с ней тоже надо научиться договариваться — так, чтобы она скорее подстегивала, чем разрушала и разъедала изнутри. Рано или поздно у вас появятся ученики, общение с ними вряд ли будет простым. Часто они тянут вниз и, как правило, неблагодарны — как вы были с вашими. Они не слушают ваших советов и всегда недовольны: если вы предоставляете им свободу, то они справедливо говорят, что вы их ничему не учите; если вы относитесь к руководству ответственно, они принимают это за чрезмерное вмешательство. Но общение с учениками может и обогащать: в лучших из них пронзительный взгляд угадает контуры вашей дисциплины через 20–30 лет. Историк, как и любой человек, подвержен **страху**: перед коллегами², их критикой, страху одиночества, ошибки, страху скатиться в посредственность, наконец, страху смерти — своей и своего труда. Страх сковывает инициативу, мешает необходимым решительным действиям, обрекает на конформизм, вызывает необоснованную агрессию, портит отношения с коллегами, изолирует от цеха. Между тем страхи, увы, не беспочвенны: нас всех настигали или настигнут **несчастья**: никого не обходят болезни — как медицинские, так и «моральные»: не-

2. Есть от чего: «хорошо, что у них [историков] нет гильотины», приводит Тюилье слова Поля Валери (II, 743).

признание, неверие в свои силы, угасание желаний, меланхолия, ощущение богооставленности, разочарование, а то и презрение к себе, затяжные **кризисы**... Но несчастья могут быть мнимыми или преходящими; иногда достаточно (за)ведения регулярного дневника. Бывает, что несчастье служит хорошим поводом, чтобы пересмотреть стратегию, сменить область или метод. Нельзя допускать себя до утраты *всех* иллюзий и надежд: печать безысходности ляжет на каждую строку, исходящую из-под вашего пера. Вас раздражают коллеги, которым «все время прекрасно работается»? Не переживайте, они врут и стыдятся признаться в том, в чем стесняются признаться и вы: в сомнениях, колебаниях, слабостях.

Тюилье многократно умоляет своих слушателей-читателей вести рабочий (исследовательский, полевой) **дневник**: не путать с личным (интимным, конфиденциальным, исповедальным, терапевтическим...), тоже полезным³. Итожьте каждый рабочий день 10–15 строками, и вы сэкономите время и силы. Делиться с кем-то всеми деталями вызревания вашего труда вовсе не обязательно: вас поджидают непонимание непрофессионалов, зависть коллег...

Кроме регулярного подведения промежуточных итогов, полезно периодически принуждать себя к составлению такого «древа возможностей» (II, 691):

1. Что я мог бы сделать, если бы...
(указать точные условия, например)
3. Автор часто сетует на малое число дневников, оставленных историками, интервью, взятых у них, в целом на неразвитую «устную историю» цеха.

мер отсутствие таких-то препятствий)?

2. Что я должен был бы сделать, будь я... (смелее, умнее, эрудированнее), имея я больше времени?
3. Что я могу сделать?
4. Что было бы хорошо сделать для... (меня, моей дисциплины)?
5. Что мне приятно было бы делать?
6. Что я обязан сделать?

Из такой инвентаризации возможностей отнюдь не следует аподиктически, что вы *будете* делать, но она позволяет выбрать наиоптимальную для вас комбинацию в данный момент. **Старость** приходит и к историку. Сначала пропадает смелость, потом — сомнение, фантазия, притупляются реакция и внимание, подступает усталость, исследователь отказывается видеть новые лица, имена и проблемы в своей дисциплине, **замыкается** в панцире своих маленьких забот и ритуалов, замуровывает себя в одиночество, что упрощается уходом мертвых и занятостью живых. Часто он пытается закрыть глаза на ползучее внутреннее разложение, реже, наоборот, ведет нелюбезное наблюдение за недугом. Второй тип поведения плодотворнее, но следовать ему тем труднее, чем менее он привычен. Кризис шестидесятилетия (который приходит раньше или позже, это крайне индивидуально) принимает форму разных жалоб и забот: «остались считанные годы», «я смогу сделать только посредственную работу», «душа не лежит», «вдруг накатила усталость от 40-летнего труда»... Историк проживает три **смерти** — выход на пенсию, физическую смерть, смерть произведения. Подобно врачу, он посто-

янно имеет дело с брэнностью. Без всякого Хайдеггера для него любое бытие — к-смерти. Травматичность, «синяк», **выхода на пенсию** объясняется прежде всего утратой власти, влияния. Но «синяк» можно было избежать, заранее, с 50–55 лет принуждая себя к некоторым «духовным упражнениям», к регулярному подведению итогов, к внутренним инвентаризациям. Можно попытаться увидеть в перемене свои преимущества — вы освобождаетесь от пут институции, становитесь свободнее, в том числе в высказывании своих мнений о *NN* и *RR*. Разумеется, и вы можете узнать о себе кое-что, что коллеги не решались высказывать вам, пока вы были у дел. Что до корпуса трудов, то своим слишком быстрым **износом, моральным устареванием** они прежде всего обязаны, по Тюилье, влиянию идеологии. Идеология придает тексту избыточную уверенность, доходящую до триумфальности, выталкивая из него сомнение, метод, чутье.

Духовной жизни историка свойственна, разумеется, **любовь к истории**, которая, как и всякая любовь, хрупка, чревата ревностью, разочарованиями, неравным боем с рутинной. *Libido scien-dii* историка специфично, он пленен чарами прошлого, мертвого, небытия. Он вживается в своих, часто анонимных героев, **жалеет** их, но может быть одержим и идеями, схемами, системами. Историк у Тюилье чувствует любовь Бога к себе и любит своих персонажей как дарованных ему Богом. И он знает, что когда-то с него спросится за дарованное ему. Но надо знать, что страсть к герою, предмету или методу может выходить из-под контроля, толкать к догматизму, прозелитизму, прямой лжи. Любовь,

как и другие **сильные эмоции**, не обязательно обсуждать с коллегами: тема щекотлива, и различия между вами могут оказаться колоссальными; они выражаются уже в выборе периода, темы, подхода: религиозная история эмоциональнее экономической и т. д. Как излишняя сухость, так и чрезмерная эмоциональность могут быть помехой в работе. Пагубно гнать от себя **любые** эмоции под предлогом научности. Надо уметь принимать эмоции, ценить их, но, двигая историком, они должны оседать в его дневнике, не выплескиваться в его сочинения.

Хороший историк **внимателен к себе**, подчинен внутренней дисциплине. Он изыскивает в себе **все** ресурсы, делает, лепит себя, а не только просто претерпевает и фиксирует претерпеваемое. Нужно давать себе время на внимание к себе, саморазбор, на **работу над собой**: как хороший садовник, нужно обрезать ветки, чтобы придать дереву желаемую форму. Нужна определенная воля к аскезе. Поскольку история — игра, нужно играть по правилам, а значит, тренироваться (что условие необходимое, но недостаточное), культивировать недовольство собой, анализировать неудачи. **Игроку** пригодится **молитва**. Неважно, веришь или нет, даже неважно, знаешь ли, о чем просить. Ги Тюилье ссылается на послание Св. Павла к римлянам (8:26): «Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно; но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». Однако историк, как правило, знает, о чем просить: об умении распоряжаться временем, разумом, об эрудиции, умении сочетать преподавание с наукой, открытости к интуиции, избавлении

от гордыни и прочих недугов, о том, чтобы давать ученику хорошие советы...

Но не всегда помогает и молитва. Историк, как и любой исследователь, должен быть готов к **поражениям**. Они столь же неизбежны, сколь и разнообразны: работа, которая не получилась, отказ издателя, напечатанная, но никем не цитируемая книга, завернутая статья, неуважение, неизбрание, ненаграждение, непризнание... Поражение — всегда поражение честолюбия. Историка не помешает хорошая доза **стоицизма** — перед лицом болезни, одиночества, треволнений, предательств, врагов, завистников. Самые успешные карьеры, осененные самыми звучными именами, при ближайшем рассмотрении оказываются цепью неудач или в лучшем случае *тяжелых* побед. Единственный способ обернуть поражение в свою выгоду — это (*post-factum*) нелицеприятный разбор полета и (*ante-factum*) организованная жизнь (планы на месяц, год, пять, десять лет; отказ *по мере возможности* от жизни абы как, со дня на день) и трезвая оценка рисков. Непредсказуемость жизни не должна служить отговоркой от попыток ее организовать! Каждый может только сам найти свой секрет, как обуздать хаос жизни и свою лень. Но **организация** труда имеет смысл, только есть вера в свои силы, в необходимость данного исследования, данной статьи или книги. Даже **угрызения совести** тоже желательно не пускать на самотек. Они могут способствовать улучшению уровня исследования или текста, а могут, доведенные до обсессии (сверхфокализация на одном не выясненном вами факте, на одной непрочтенной статье), заstopорить работу. Часто человек из-

бегает или отодвигает момент начала *письма* под предлогом, что он не видел такого-то документа. Не давайте себя обмануть, и в любом случае верен старый (по меньшей мере IV века до н. э.) девиз: «Ни дня без строчки».

В плане методологическом я уже упоминал антисциентизм автора. Материя историка — не достоверное, а **вероятное**. Самое главное не может никогда стать достоверно известным. Большинство событий не оставили следов (разговоры, сны). Но историки умудряются спорить, скажем, об ощущении времени в XIII веке, как если бы это была вещь, подлежащая прямой верификации. Речь в лучшем случае может идти о правдоподобных гипотезах. Преподавательская работа часто побуждает к выпрямлению и упрощению отношений историка с истиной, к тиранизации фактов. Для пущей убедительности лектор считает нужным скрывать гипотетичность своих положений, свое владение материалом выдает за владение истиной.

В исторической науке действуют масса негласных и неписанных **конвенций**. Например, допустимо не уточнять степень достоверности приводимых фактов, а ведь она может очень различаться. Допускается не эксплицировать свой метод (а те, кто в преамбуле говорит о методе, излагают просто *какой-то* хороший метод — вовсе не обязательно, что они его и применяют). Допускается не уточнять, какую часть общего корпуса автор привлекает и цитирует и почему именно эту часть (тот факт, что она хорошо подтверждает гипотезу, по умолчанию оправдывает отстранение *другого* материала). Расхожей практикой стало смешивать материалы из первых рук с заимствова-

ниями из вторых... пятых и т. д. Многие историки не чувствуют, как опасно оперировать понятиями «причины» и «следствия», расплывчатыми публицистическими терминами (власть, буржуазия, народ...). Историк должен отдавать себе критический отчет в принятых в цехе условностях.

По мнению Тюилье, многое в профессии и организации научной жизни заставляет историка **лгать**: о важности себя и своей профессии для общества, об «уроках истории», о ценности своего вклада, о совершенстве своих работ, о высоком уровне своих учеников и т. д. Историк полагает, что *ищет истину*, хотя любая выписка, любая цитата искажает целостность. Часто историк должен судить о документе после одного и единственного прочтения, он сам знает, что этого явно недостаточно. Часто лгут гипотезы, особенно если они заимствованные — у господствующей догмы или у научного руководителя. Многие спрямляет переход от «корпуса» к «рассказу», тогда как часто историки делают вид, что второе следует из первого с лапласовской неумолимостью. Не стоит забывать, что и практически любой «корпус» фрагментарен. Часто историк склонен принимать за чистую монету статистику, пренебрегая условиями ее сбора (I, 295п.11). Новые виды лжи родились из общественного спроса на популярную и политкорректную историю. Добросовестный и критичный к себе и другим историк сможет избежать большей части ловушек, если не будет скрывать своих сомнений, **мошенничать**, убаюкивать себя внешними атрибутами научности, проявит непримиримость к манипуляции, преувеличению, внешнему эффекту, прямому обману. К трудноизбегаемым

видам лжи относится **похвала**; как верный наследник стоиков, Тюилье советует быть равнодушным ко всем ее видам.

В работе историка нет мелочей. Простая вещь: **как написать статью?** Этому не учат нигде: ни в школе, ни на факультете, отчего публикуется много посредственных, часто нечитательных статей, которые не заслуживают републикации и которые устареют уже через несколько лет. Вот несколько императивов от Ги Тюилье:

1. Следует писать просто, не вилять, идти к сути дела, оставлять только интересные или красноречивые цитаты.
2. Статья должна иметь явные части, с ясной целью каждой из них.
3. Необходимы выводы, заключение, а введение нужно и ко всей статье, и к каждой из частей.
4. Не отвлекать читателя на второстепенные элементы: *всего в одной статье не скажешь*.
5. Не мошенничать: не утверждать без подтверждения, не блистать праздною эрудицией, не приводить факты, не относящиеся к делу, и т. д.
6. Статья должна говорить что-то новое, заявить это во введении и подтвердить в заключении.

Какой должна быть сноска? Она должна быть *необходимой*, разгружать текст, например, нюансировать утверждение основного текста. Содержание и количество сносок зависит от задач статьи. Если она открывает новую область, то можно не стесняться большого числа/объема сносок.

Как избежать ошибок? Здесь еще более, чем в других проблемах, панацеи нет. От мелких ошибок помогает только перечитывание рукописи (и надо дать себе для этого время, и дать рукописи отлежаться), лучше и свежим глазом коллеги или друга. От больших (неправильная атрибуция документа, ложное истолкование событий, написание слабой статьи или книги) — только постоянный самоанализ, разбор ваших сильных и слабых сторон, рабочий дневник. Увы, слишком многие уходят в преследование лишних запятых, только чтобы не увидеть в своей работе масштабных и фатальных пороков.

Или другой элементарный вопрос: **как построить выступление на конференции?** Нужно брать не изученный и заезженный (вами же) сюжет, а новый, вам не очень хорошо известный, но который позволит вам углубиться в новую для вас проблематику; тема не должна быть слишком абстрактной; выступление должно привнести что-то новое, поставить хорошие вопросы; надо после выступления подготовить письменную версию, более оснащенную материалом. Если же вы, наоборот, сперва подготовили версию для публикации, то необходимо для конференции сделать ее сильно облегченный устный вариант, к которому будут предъявлены другие требования: выступление — это театр, и пьеса прежде всего не должна быть скучной (а также скомканной, неструктурированной, банальной и пр.). Разумеется, свою роль не следует читать по бумажке! Но **скуку** надо гнать и из ваших текстов!

Тюилье написал не просто дорожную карту молодого историка, но и — неволь-

но — документ, характеризующий идеалы, быт и нравы профессии историка до компьютерной и доинтернетной эры. Это позволило ему не отвлекаться на внешнее, техническое, быстро преходящее, а сосредоточиться на тех параметрах профессии, которые меняются так медленно, что их можно считать константами. Конечно, результат у него получился не лишенным некоторого комизма: он обращается к молодежи, а кто из сегодняшних студентов (не говоря уже о гуманитариях 2050 года) поймет его тезис, что профессия историка не исчерпывается составлением и классификацией... карточек (*карточек?*). Но думаю, что на этом не стоит стопориться. Ведь этот тезис вводит утверждение, которое будет понятно и в 2100-м: а именно что центральным элементом работы историка является мышление, а накопление материала — лишь повод к нему.

Ги Тюилье — дитя цивилизации дисциплины, поэтому его пафос аскезы, самоконтроля, удовольствия от труда, самопознания и использования всех своих ресурсов наверняка смутил более чем одного юного французского историка.

Как воспримет этот пафос молодой русскоязычный гуманитарий, для которого я переложил завещание Тюилье? Его наверняка удивит воистину чуждое местным пенатам пренебрежение к благословенному авосу, а также к тому спасительному синему пламени, которое должно равно поглотить великое и посредственное и тем самым списать все наши грехи. Удивит — и, может быть, недоумит начать по капле выдавливать из себя фаталиста.

Михаил Маяцкий